

Хлебные цены Новгородской земли во второй половине XVII в.:
проблемы изучения.

Хлебные цены XVII в. — один из ключевых вопросов при изучении проблемы становления всероссийского рынка. Практика изучения цен в основном состоит в составлении реестров, таблиц и графиков, суммирующих объемы торговли и движение цен. Эта важная сторона исторического анализа явно преобладает над другой стороной, не менее важной, но не только не изученной, но и, смею утверждать, до сих пор незамеченной.

Цены на товары (в данном случае будем говорить только о хлебных ценах) не существуют сами по себе, они ситуационны и познаваемы только в том историческом контексте, частью которого они являются. Вне исторического контекста цена товара становится не инструментом познания, а всего лишь результатом произвольного манипулирования материалом.

При анализе записи в приходо-расходной книге XVII в о покупке четверика ржи возникает иллюзия, что это цена товара, но в действительности это не совсем так. В источнике отражена не цена товара, а цена покупки, что далеко не одно и то же. Поясню мысль на следующем примере: человек купил в современном магазине хлеб, и в его кармане сохранился чек, который много лет спустя или даже совсем в другое время обнаружит счастливый исследователь. Однако он впадет в сильное заблуждение, если решит, что в данном месте в тот день такова была цена хлеба. А если бы у него была возможность поговорить с самим покупателем, то стало бы ясно, что в магазине продавалось около двух десятков хлебов разного веса и качества, просто чек учел факт покупки, обобщенное наименование товара и цену.

Важно иметь в виду, что приходо-расходные книги XVII в., как правило, не фиксировали многочисленные особенности товара, а только его обобщенное наименование, а также приход и расход денег.

Преодолеть специфическую ограниченность данных монастырских приходо-расходных книг в изучении цен XVII в. помогает внутримонастырская переписка. По сути это развернутые описания компетентных и заинтересованных участников средневековой торговли. Из этих документов мы узнаем такие подробности торговли XVII в., о которых ничего не известно из других источников. Сведения о хлебных ценах в этой переписке упомянуты не сами по себе, а в определенном контексте: в связи со вздорожанием зерна в неурожайный год или наоборот — в связи с падением цен из-за необходимости платить дополнительный налог деньгами, когда крестьяне были вынуждены массово продавать зерно.

В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН в фондах Валдайского Иверского и Успенского Тихвинского монастыря сохранились как приходо-расходные книги, так и внутримонастырская переписка, что позволяет рассмотреть хлебную торговлю с разных сторон.

Первый вопрос, который встает перед исследователем торговли зерном — это используемые меры сыпучих тел. Удалось установить, что четверик, которым мерили хлеб и торговали в Новгороде, был местный, не московский (последний, как известно, составлял около пуда веса). Новгородский четверик был больше московского в 1,6 раза (т.е. составлял более полутора пудов). Четверик на Тихвинском посаде был больше московского даже в пять раз. Без учета этих фактов изучение хлебных цен становится бессмысленным. Переход на московский четверик на новгородском торге произошел в самом начале 1680-х годов. На Тихвинском посаде местный четверик использовался до самого конца столетия и даже в начале XVIII в., но натуральные государственные налоги собирались «в московскую меру». В приходо-расходных книгах эти изменения обычно не фиксировались, поскольку были очевидны для составителей и современников.

В исследовательской литературе царит убеждение, что в XVII в. бытовала четверть, состоявшая из шести четвериков, а с 1679 г. в четверти стали считать восемь четвериков. Так написано в классическом труде по метрологии Елены Ивановны Каменцевой и Николая Владимировича Устюгова [1, с. 88–95, 97], во всех остальных справочниках по метрологии XVII в., в трудах по аграрной истории и истории торговли. Находящиеся в нашем распоряжении многочисленные источники позволяют надежно утверждать, что это заблуждение. Не известно ни одного случая, чтобы в XVII в. использовалась шестичетвериковая торговая (или казенная) четверть, а данные о четверти в 8 четвериков насчитываются многими сотнями случаев. Уместно задаться вопросом: как так получилось, что в течении полувека исследователи не замечали, что в учетных документах XVII в. хлеб постоянно и во множестве измеряли следующим образом: столько-то четвертей и 7 четвериков? Такое возможно только при восьмичетвериковой четверти, которая существовала на протяжении всего XVII в. Полагаю, что это произошло потому, что специалисты по метрологии не занимались специально хлебными ценами, а те, кто изучал хлебные цены, априорно доверяли авторитетным изданиям по метрологии

В отличие от приходо-расходных книг, фиксировавших сам факт совершенной конкретной покупки, монастырские отписки часто представляли более обобщенную картину хлебной торговли на местном рынке и указывали две цены хлеба: «среднего» и «лутчего», которые обычно отличались процентов на двадцать. Существовал еще и третий тип зерна — «худой», но о его цене источники сообщают весьма редко, разве что в судебном деле, когда истец обвинял ответчика в обмане при продаже негодного зерна.

Качественная характеристика не учитывается исследователями при изучении хлебных цен, поскольку приходо-расходные денежные книги фиксировали именно движение денег, а качество купленного или проданного товара оставалось на совести составителя книги.

Следует также отказаться от распространенного представления о том, что на местном рынке всегда существовала только одна цена товара, даже если он был одного качества. Отписки из Новгорода в голодный 1670 г. сообщают уникальные сведения о хлебных ценах: продавцы ржи предлагали ее по высокой спекулятивной цене 30 коп. за новгородский четверик, митрополит распродал бедным людям рожь из своей житницы по специально заниженной цене 20 коп., но только по одному четверику в руки, а купцы, привозившие хлеб из-за рубежа, подпольно продали представителю Иверского монастыря четверик по 25 копеек, но без уплаты таможенной пошлины. Таким образом, в одно и то же время на новгородском рынке существовало три цены на рожь: официально установленная, открыто-спекулятивная с уплатой таможенной пошлины и подпольно-спекулятивная без уплаты таковой.

В фонде Успенского Тихвинского монастыря сохранился особый тип учетной документации: книги хлебной покупки. В отличие от приходо-расходных денежных книг, в них основное внимание обращалось на запись не собственно расхода сумм на покупку хлеба, а на характеристику покупаемого продукта: у кого куплено, какой объем и в каких мерах. В этих книгах находим сведения об обстоятельстве, неизвестном в исследовательской литературе. Это «досталь» — довесок, который оставался после покупки. Крестьяне привозили из окрестных сел на Тихвинский посад зерно, судя по проданному весу, в основном на одном-двух возах. После измерения проданного хлеба у них оставался небольшой остаток, это и есть «досталь», которую хлебный старец покупал у них по той же цене. В итоговых данных закупки хлеба в монастырь «досталь» вообще не суммировалась и не учитывалась. Ее, надо полагать, оставляли в запас, как тогда говорили, на «мышеед». Поэтому в приходо-расходных книгах монастыря было бы неправильно вычислять точную цену купленного хлеба, просто, поделив общий объем покупки на потраченные деньги.

Еще более важный вывод можно сделать, обратив внимание на даты закупок в книгах хлебной покупки. Во время тихвинской ярмарки хлебный старец не покупал рожь и овес у местных крестьян, покупки совершались как правило до начала торга или после него. Без учета этого обстоятельства можно было бы сделать неверный вывод, что цены на Тихвинском посаде были такие, как это зафиксировано в этих книгах. В действительности, хлебные цены во время торгов существенно увеличивались. Для нас это может показаться странным, поскольку мы привыкли, что в наше время ярмарочные цены должны быть ниже обычных. В XVII в. ситуация была иная: крестьяне приезжали на Тихвинский посад для покупок и были заинтересованы в максимально-высокой цене на свой товар; на протяжении всей ярмарки они держали цены на хлеб выше обычных (на 20 % и больше) и только к концу ярмарочных дней были готовы уступить свой товар по более низкой цене. Иноземные торговцы обходили запрет оптово закупать хлеб на Тихвине через подставных людей русского происхождения и тем, самым поддерживали более высокие цены на тихвинской ярмарке. Даже закупка небольшой партии зерна иноземцами через подставных людей приводила к вздорожанию продукта на Тихвине в полтора раза. Этот факт свидетельствует об узости местного хлебного рынка.

При составлении ценовых таблиц исследователи часто не учитывают изменение веса копеек: во второй половине XVII в. серебряное содержание копейки было дважды понижено — в марте 1681 г. и в 1696 г., иными словами копейка 1680 г. была в два раза тяжелее копейки 1697 г. Этот факт хорошо известен нумизматам, но не учитывается при изучении динамики цен. Однако есть еще один важный фактор, который упускают и нумизматы, изучающие денежные номиналы, и исследователя торговли — это бытование денег, в частности увеличение или уменьшение денежной массы. Для XVII в. подобные статистические данные совершенно отсутствуют. Но из внутримонастырской переписки становится известно, что экстраординарные налоги военных лет быстро выкачивали у населения наличность, и на

хлебные цены влияли два разнонаправленных фактора: цены росли из-за понижения серебряного содержания копейки, но понижались в связи с нехваткой монеты — «денежной скудости», как об этом писали в монастырских отписках.

В заключении несколько выводов общего порядка.

Средневековая жизнь с ее преобладанием частного над общим, местными особенностями, архаичными формами жизни не помещается целиком в таблицу новейшего времени. Я не выступаю против таблиц как таковых — эта важная и неперемнная форма анализа статистического материала. Однако только учет исторического контекста позволяет приблизиться к реальному значению цен, указанных в средневековых источниках.

Без единой метрической системы и при одновременном бытовании разновесной монеты, хронической нехватке денежной наличности не представляется возможным считать всероссийский рынок XVII в. сложившимся явлением. Речь может идти только о начале процесса. Введение новой денежной системы при Петре I, унификация используемой по всей стране метрической системы, сеть речных каналов XVIII в., связавшая бассейны разных рек в одну водную транспортную систему, отмена внутренних таможен в 1756 г. и другие факторы позволяют отнести формирование всероссийского рынка как сложившегося явления к XVIII столетию.

Литература

1. *Каменцева Е.М., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1965.